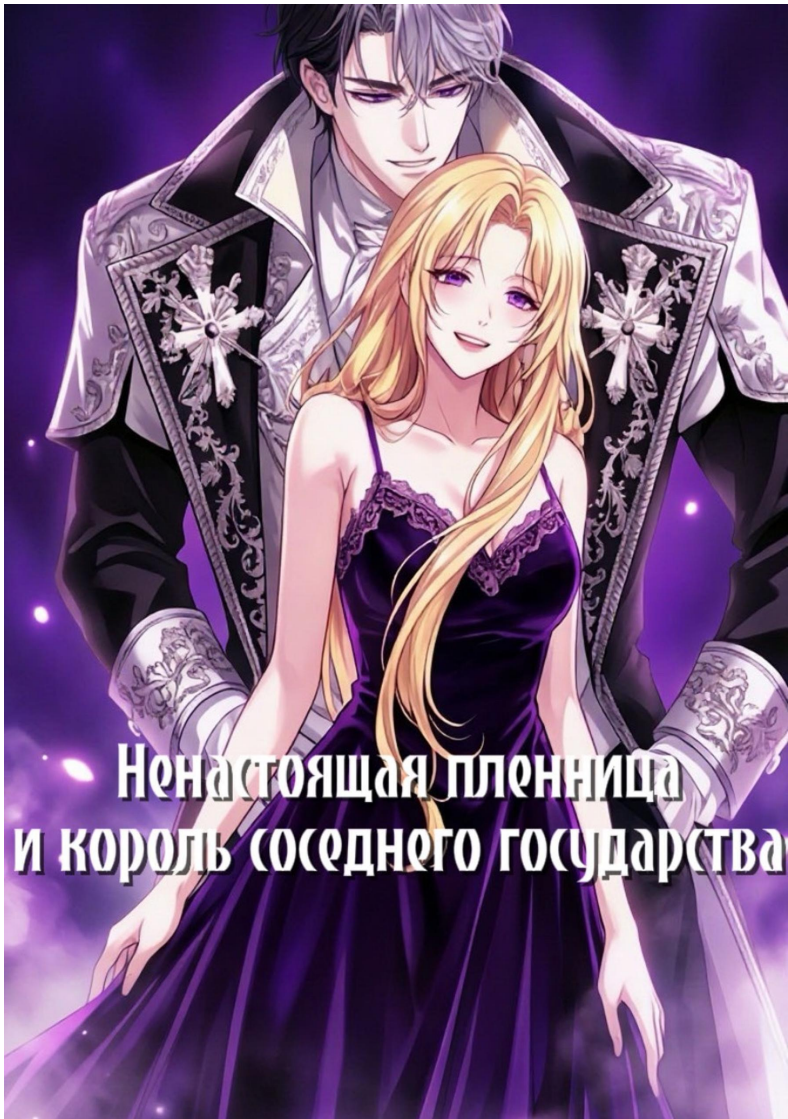

Ненстоящая пленница
и король соседнего государства

Леонор Калиани

Ненастоящая пленница и король соседнего государства

<https://litres.ru/74428202>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная девушка, устроившись служанкой во дворец, по воле избалованной принцессы подменяет её на помолвке с герцогом. На балу, выдавая себя за принцессу, она привлекает внимание загадочного высокого мужчины — а очнётся уже в северном замке, в плену у короля, который уверен, что держит в заточении настоящую наследницу. Поначалу он относится к ней как к ценному трофею, но, наблюдая за её поступками, всё чаще сомневается: перед ним не та, кем она кажется. В борьбе за свободу и право оставаться собой героиня балансирует между страхом и гордостью, а король — между долгом и растущим чувством, пока правда не грозит разрушить хрупкое доверие между ними.

Содержание

Глава 1	4
Г	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Леонор Калиани Ненастоящая пленница и король соседнего государства

Глава 1

Ли́ра просну́лась от того, что дождь стучал пожестяному козырьку над окном. Звук был неровный, дребезжащий — каждая капля ударяла в ржавую жёсть, словно просила впустить её внутрь. Ли́ра лежала на узкой койке, укрытая грубым шерстяным одеялом, и смотрела в потолок, по которому расходились старые трещины — карту невидимых рек и дорог, как она их называла с детства.

Ей было девятнадцать лет. Волосы у неё были светлые — не белые, не платиновые, а мягкого, тёплого блонда, цвета пшеницы на солнце, как говорили те, кто вообще замечал её волосы. Чаще не замечали. Но глаза — глаза замечали все. Они были фиолетовые. Не синие, не серые, не голубые, а именно фиолетовые — глубокого, насыщенного оттенка, как вечернее небо в последний момент перед тем, как оно станет чёрным. Это было странно, необычно и, по мнению некото-

рых, даже немного пугающе. Старая травница в деревне, где Лира родилась, говорила, что такие глаза — знак ведьминской крови. Мать Лире, когда была жива, отшучивалась: мол, это просто редкость, как белые вороны или чёрные лисы. Но Лира видела, как мать крестится, когда травница отходит, и как прячет беспокойство за привычной улыбкой.

Мать умерла, когда Лире было двенадцать. Отец — рыбак по имени Томас — ушёл в море три года назад и не вернулся. С тех пор Лира жила одна в съёмной комнате на окраине Эльдона, столицы королевства Велант. Комната была крошечной: койка, стол, стул, тумбочка стреснувшей ножкой, которую она подперла сложенной книгой, и окно в узкий переулок, где пахло мокрым камнем и угольной пылью.

Лира встала, опустила босые ноги на холодный дощатый пол и поёжилась. За стеной храпел старый Морган, мясник с соседней улицы, который снимал комнату напротив и каждый вечер выпивал в трактире «Подкова», а каждое утро жалел об этом. Лира привыкла к его храпу — он был частью утреннего шума, как крик торговцев на рынке за углом, как скрип тележных колёс по брусчатке, как далёкий перезвон колоколов храма Единого.

Она умылась холодной водой из кувшина, оделась: льняная рубашка, шерстяная юбка тёмно-зелёного цвета с заплаткой на левом колене, крепкие башмаки, которые уже начинали жать. Светлые волосы собрала в тугой узел на затылке. Поест ей было почти ничего — остатки вчерашнего хлеба,

черствого и кисловатого, и кусок сыра, который она отрезала аккуратно, тонко, чтобы хватило ещё на ужин.

Ли́ра работала в прачечной госпожи Нэлл, что на улице Ткачей. Работа была тяжёлая и однообразная: с утра до вечера стирать, полоскать, выкручивать, развешивать, гладить. Руки у неё всегда были красные от щёлочка, а ногти — обломанные и грубые. Платили мало, но стабильно, и это было главное. Каждый седьмой день она получала три медяка, из которых один уходил за комнату, один — на еду, а третий она откладывала в жестяную коробку из-под чая, которая стояла на дне тумбочки под стопкой старых писем отца.

Письма были короткие, сухие, с вопросами о здоровье и деньгах. Дядя Грегор, брат отца, жил в портовом городе Фаррахе, далеко на западе. Он видел Ли́ру, может быть, трижды в жизни. Они не были близки. Они не были ничем.

Ли́ра допила воду, сунула хлеб в рот, натянула плащ — тонкий, дождевой, из пропитанного маслом полотна — и вышла на улицу.

Эльдон встретил её обычным утренним гомино́м. Город был большим, шумным, пахнущим дымом и мокрым деревом. Улицы, вымощенные бурым камнем, блестели от дождя. Лужи отражали низкое небо — серое, тяжёлое, как крышка котла. Люди шли, бежали, ехали, толкали тележки, несли корзины, кричали, смеялись, ругались. Ли́ра шла среди них, как капля в потоке, — незаметная, привычная, обычная.

Она не знала, что этот день будет не обычным.

Прачечная госпожи Нэлл располагалась в длинном низком здании с двумя входами — один с улицы Ткачей, другой со двора, где сушили бельё. Внутри всегда было жарко и влажно: пара огромных медных котлов, под которыми горели угли, поднимали облака пара, от которых волосы кудрявились, а одежда липла к телу. Пятеро работниц — все женщины, от шестнадцати до пятидесяти лет — двигались между котлами, корытами и верёвками с монотонностью, достойной мельничного колеса.

Лира пришла вовремя, скинула плащ, закатала рукава и взялась за работу. Госпожа Нэлл, грузная женщина с красным лицом и крепкими руками, кивнула ей и сразу указала на гору белья у стены — простыни, скатерти, полотенца, и среди них несколько предметов из тончайшего полотна с вышивкой: это было дворцовое бельё. Прачечная госпожи Нэлл иногда брала заказы из дворца — не основные, а мелкие: бельё для гостей, для прислуги, для конюшен. Главные дворцовые стирки делались внутри, но иногда, когда нагрузка была велика, кое-что отдавали наружу.

— Лира! — крикнула госпожа Нэлл своим скрипучим голосом. — Сегодня придут из дворца. Заберут бельё и, может, принесут новое. Ты встреть их, поможешь донести.

— Хорошо, — ответила Лира и продолжила стирать.

Дворцовые посыльные пришли около полудня: двое мужчин в тёмно-синих ливреях с гербом Веланта — золотой олень на зелёном поле. Они были молодые, важно надутые, и

держались так, словно весь город принадлежал им, а не королю. Лира вынесла им свёртки с чистым бельём, они приняли, не поблагодарив, и один из них — тот, что повыше, с тонким лицом и быстрыми глазами — вдруг задержал взгляд на ней.

— Ты здешняя? — спросил он.

— Я работаю здесь, — ответила Лира, не поднимая глаз.

— Умеешь читать?

Лира удивилась. Вопрос был странный для посыльного.

— Да, — сказала она. — Немного.

Отец научил её буквам, когда была жива мать. Потом Лира практиковалась — читала вывески, молитвы на стенах храма, а позже, когда стала самостоятельной, — дешёвые книжки с балладами, которые продавались на рынке по два медяка. Она читала медленно, по складам, но читала.

— И писать умеешь? — продолжал посыльный.

— Буквы. Не красиво, но разборчиво.

Посыльный посмотрел на своего напарника, и они обменялись тем взглядом, который Лира не смогла расшифровать: то ли удача, то ли недоумение.

— Во дворце ищут прислугу, — сказал посыльный. — Дворцовый управляющий, господин Вэлмонт, объявил набор. Нужны служанки для внутренних покоев. Требования: чистоплотность, послушание, умение читать и писать. Платят пятнадцать серебряных в месяц.

Пятнадцать серебряных. Лира повторила про себя, чтобы

не сказать вслух. В прачечной она получала три медяка в день — меньше одного серебряного в неделю. Пятнадцать серебряных в месяц — это было больше, чем она могла представить. Достаточно, чтобы снять нормальную комнату, хорошо есть, откладывать деньги, и, может быть, даже...

— Где записаться? — спросила она.

— У ворот дворца, седьмой день. Прийти до полудня, иметь при себе рекомендацию от работодателя.

Лира кивнула. Посыльные ушли, и она осталась стоять с мокрыми руками и сердцем, которое стучало быстрее, чем следовало.

Вечером она поговорила с госпожой Нэлл. Та сначала нахмурилась — ей не хотелось терять работницу, пусть и не самую быструю, но зато аккуратную и тихую. Потом смягчилась: она была не злая, госпожа Нэлл, а практичная.

— Напишу тебе рекомендацию, — сказала она. — Ты хорошая девка, Лира. Тихая. Это во дворце ценят. Только смотри — не лезь в чужие дела. Там, где много денег, много и ядов.

— Я знаю, — сказала Лира, хотя не знала.

Принцесса Ариана была третьей дочерью короля Веланта Гилберта Третьего. Старшие сёстры — Изольда и Маргарет — уже были выданы замуж: одна за князя восточных провинций, другая за наследника морского союза. Ариане был двадцать один год. Она была красива — это признавали все, даже те, кто не выносил её. Золотистые волосы, синие глаза,

кожа цвета сливок, тонкие запястья и длинная шея. Она была также капризна, избалованна, своенравна и, по мнению большинства слуг, невыносима.

Лира впервые увидела принцессу на третий день службы. Она стояла в гардеробной — длинной комнате с рядами вешалок, полок и ящиков — и перебирала ленты, когда дверь распахнулась и Ариана вошла. Она была в утреннем платье — шёлковом, бледно-розовом, с кружевом у горла — и была зла. Это было видно сразу: по тому, как она шла — быстро, резко, стуча каблуками, по тому, как она дышала — прерывисто, через нос, по тому, как она посмотрела на Лире — снизу вверх, хотя Лира была ниже.

— Ты новенькая? — спросила Ариана.

— Да, ваше высочество.

— Как тебя зовут?

— Лира.

— Странное имя. Длинное. Я буду звать тебя просто — ты. Так короче. Ты, поди мой чай. Нет, сначала найди мне голубую ленту. Нет, не голубую — небесно-голубую. Если ты не понимаешь разницы, ты мне не нужна.

Лира понимала разницу. Она нашла небесно-голубую ленту — среди двадцати других оттенков голубого — и подала принцессе. Ариана взяла, не поблагодарив, и стала заплетать в волосы, глядя в зеркало.

— Ты, — сказала она, не оборачиваясь, — скажи госпоже Июль, что сегодня я буду обедать в саду. И чтобы пригото-

вили пирожные. Не любые — миндальные, с кремом. Если будут с орехом, я их выброшу в окно. Вместе с поваром.

— Слушаю, ваше высочество.

— И ещё. У меня сегодня визит к портнихе. Ты пойдёшь со мной — будешь носить свёртки. Не уронишь?

— Не уроню, ваше высочество.

— Посмотрим.

Ариана ушла. Лира осталась стоять с лентой в руке, которую принцесса забыла взять, и с ощущением, которое не могла определить: то ли усталость, то ли предчувствие.

Первые недели во дворце были суетливыми и путаными. Лира училась: где что стоит, кому что подать, как открыть дверь, не скрипнув, как пройти по коридору, не стуча каблуками, как не смотреть в глаза принцессе, но и не опускать голову слишком низко, потому что Ариана считала это угодливостью и презирала. Лира училась быстро — она была наблюдательна и молчалива, а во дворце это ценилось больше, чем красота или умение танцевать.

Госпожа Июль, старшая служанка, была женщиной лет пятидесяти, с лицом, как высушенное яблоко, и взглядом, который видел всё, но комментировал мало. Она обучала Лире правилам: когда подавать чай (горячим, но не обжигающим), когда открывать окно (по просьбе, но не по собственной инициативе), когда отвечать (только если спросят), когда молчать (всегда). Она говорила тихо и внятно, как учительница в школе.

— Главное правило, — сказала госпожа Иоль в первый день, — не думай. Думать — это привилегия знатных. Твоя привилегия — слушаться. Если будешь слушаться, проживёшь долго. Если нет — нет.

Лира слушалась. Она подавала чай, носила свёртки, перебирала ленты, гладила платья, убирала комнаты. Ариана была недовольна всегда, но к Лире привыкла — может быть, потому, что Лира не реагировала на её капризы ни страхом, ни возмущением, а выполняла всё ровно и спокойно, как автомат. Это раздражало принцессу, но и вызывало своего рода уважение — миндальное, невнятное, как всё, что Ариана чувствовала.

Через три месяца Лира уже знала дворец, как свой старый дом: каждый коридор, каждую лестницу, каждый закоулок. Она знала, что кухня — в южном крыле, что конюшни — за западной стеной, что тронный зал — в центре, с окнами на восток, что личные покои короля — в северной башне, куда служанкам вход был воспрещён. Она знала имена всех слуг, всех стражников, всех придворных — не потому, что хотела, а потому, что у неё была хорошая память, а во дворце имена были важнее денег.

Она знала также, что за ней иногда наблюдали. Не Ариана — та была слишком занята собой. Другие: придворные, стражники, гости. Они смотрели на её глаза — фиолетовые, необычные, привлекающие внимание, как вспышка света в тёмной комнате. Лира привыкла опускать взгляд и носить

чепец, но во дворце чепец был не положен — служанки внутренних покоев носили белые платки, которые не закрывали лицо. И глаза Лиры были видны всем.

Однажды, когда она несла поднос с чаем через галерею, к ней подошёл мужчина — высокий, в тёмном камзоле, с серебряной цепью на груди. Он был не молож, не стар — где-то между тридцатью и сорока, с лицом, которое могло бы быть красивым, если бы не выражение: холодное, оценивающее, как у торговца, рассматривающего товар.

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Лира, — ответила она, не поднимая глаз.

— Красивое имя. И глаза у тебя красивые. Необычные.

Ты не из этих краёв?

— Я из Эльдона, милорд.

— А твоя мать?

Лира молчала. Она не любила говорить о матери, особенно с незнакомцами.

— У тебя глаза северянки, — сказал мужчина, и в его голосе было что-то, что заставило Лирем посмотреть на него. Он улыбался, но улыбка не касалась глаз. — На севере таких много. Там их не считают ни ведьмами, ни богинями. Там это — просто глаза.

Он ушёл. Лира стояла с подносом и чувствовала, как сердце стучит быстрее, чем нужно. Она не знала, кто это был. Потом узнала: барон Клаус, один из советников короля, занимавшийся внешними сношениями. Она старалась не по-

падаться ему на глаза, но иногда чувствовала его взгляд — из-за колонны, из-за угла, из другого конца зала.

Бал должен был состояться через неделю после того, как Лира согласилась на сделку с принцессой. Семь дней. Сто шестьдесят восемь часов. Лира считала их с болезненной прилежностью, как приговорённый считает часы до рассвета.

Принцесса Селина оказалась на редкость практичной в своём эгоизме. Она не просто предложила деньги — она разработала целый план. И, надо признать, план был не так уж плох для девушки, которую все считали лишь избалованной пустышкой.

— Ты будешь молчать, — говорила Селина, расхаживая по гардеробной. — На балу есть три вещи, которые умеют все: танцевать, улыбаться и кланяться. Остальное — детали. Герцог Рейно никогда не видел меня вблизи. Мы переписывались, но письма писала не я, а канцлер отца. Он знает меня по портретам, а портреты... — Селина усмехнулась, — портреты льстят.

Лира сидела на краю кресла и слушала. Её светлые, льняные волосы были распущены — принцесса настояла на этом, заявив, что так Лира выглядит «достаточно аристократично». Волосы у Леры были необычного оттенка — не белокурые, как у северянок, и не золотистые, как у южанок, а какие-то промежуточные, словно мёд, смешанный с лунным светом. В сочетании с глазами — фиалковыми, глубокой,

тёмной окраски, почти пурпурными — это создавало облик, который трудно было забыть. Именно поэтому, подумала Лира, принцесса и выбрала её. Не потому, что они были похожи. А потому, что Лира была достаточно красива, чтобы поверить, и достаточно безвестна, чтобы не возникло вопросов.

— Герцог Рейно д'Арконт, — продолжала Селина, — сорок один год, вдовец, владелец Южных провинций от Халларских гор до Моря Бурь. Богат, как дракон, и горд, как павлин. Ему нужна жена королевской крови — или хотя бы та, которую все считают королевской. Ты будешь этой «той».

— А потом? — спросила Лира. — После бала?

— После бала ты скажешь, что устала, и уедешь в Южные провинции. Там у Рейно есть поместье — Старый Холм, в трёх днях пути от границы. Ты побудешь там, скажешь, что нездорова, отложишь свадьбу на месяц-другой. А я к тому времени буду уже за морем.

— За морем?

— У меня есть свои планы, — отрезала Селина. — Тебе знать не обязательно.

Лира не стала спорить. Спорить с принцессой было всё равно что спорить с дождём — бесполезно и мокро.

Селина дала ей деньги — пятьсот золотых, сложенных в бархатный мешочек, которые Лира спрятала под матрасом в своей камере и каждую ночь доставала, чтобы пересчитать. Она никогда не держала в руках столько денег. Пятьсот зо-

лотых — это было достаточно, чтобы купить дом в Эльдоне, открыть лавку, жить безбедно лет десять. Или — сбежать. Куда угодно. На запад, в Фаррах, к дяде. Или на юг, к морю, о котором она только читала в книгах.

Но Лира не собиралась сбежать. Она дала слово. И, кроме того, была ещё одна причина, которую она не хотела признавать даже себе: ей было любопытно. Она хотела увидеть бал — настоящий, дворцовый, с хрустальными люстрами и менестрелями и винами, которые называют по именам. Она хотела хотя бы один вечер побыть кем-то другим.

Герцог Рейно д'Арконт прибыл в Эльдон за два дня до бала. Лира узнала об этом из разговоров слуг: герцог въехал в город с эскортом из двухсот всадников, в чёрном бархате, на гнедом коне, и жители выходили на улицы, чтобы посмотреть. «Величественный, — говорили они. — Суровый. Настоящий южный лорд.»

Лира увидела его впервые через окно служебного коридора. Он ехал по главной улице, и Лира смотрела сверху, из узкого окна второго этажа, через которое обычно наблюдала за закатом. Рейно д'Арконт был высоким, широкоплечим мужчиной с обветренным лицом и тёмными волосами, тронутыми сединой на висках. Он не улыбался. Он смотрел перед собой — на дорогу, на дворец, на город, который должен был стать его новым домом. Лира подумала, что он выглядит не как жених, а как полководец, въезжающий во взятый город.

— Герцог, — произнесла она тихо, и слово прозвучало

странно, будто из чужого языка.

Вечером того же дня принцесса Селина вызвала Лиру к себе. Она сидела за туалетным столиком, и камеристка расчёсывала её золотистые волосы. Селина была красива — по-своему, по-королевски, с той холодной, отточенной красотой, которая не терпит возражений. Но сегодня она выглядела нервной: пальцы барабанили по столу, губы поджаты, взгляд метался.

— Он здесь, — сказала Селина, не оборачиваясь. — Рейно. Сегодня был приём у отца. Я сидела за столом напротив него. Он... он старый. И он смотрел на меня так, словно уже купил.

— Вы же не сидели напротив него, — осторожно сказала Лира. — Вы должны были быть в своих покоях.

— Я наблюдала из-за портьеры, дурочка. — Селина махнула рукой, отпуская камеристку. Та исчезла бесшумно, как тень. — Отец хочет, чтобы брак состоялся как можно скорее. Он говорит, это укрепит южную границу. Ему плевать, что Рейно вдвое старше меня и что у него руки... — она поморщилась, — как у конюха.

Лира не знала, что ответить. Она не умела утешать принцесс — да и не хотела. Но молчание, видимо, было тем, что Селина приняла за сочувствие, потому что через минуту она заговорила снова, уже тише:

— Послезавтра. Бал. Ты будешь готова?

— Я попробую.

— Не «попробуй». Будь. — Селина повернулась, и в её синих глазах было что-то, чего Лира не видела раньше: страх. — Если ты провалишься, если он поймёт, что ты не я... мне конец. И тебе, скорее всего, тоже.

Последние два дня перед балом Лира училась быть принцессой.

Селина была безжалостным учителем. Она гоняла Лиру по этикету, заставляя повторять поклоны, реверансы, формулы приветствия, обращения к герцогу, к лордам, к дамам. Лира путала титулы, спотыкалась о подол, роняла чашу на тренировочном обеде — и Селина каждый раз закатывала глаза так, словно мир рушился.

— Ты ходишь, как служанка, — говорила она.

— Я и есть служанка, — отвечала Лира.

— Нет. Ты — принцесса Селина Велантская, третья дочь короля Гилберта. Запомни это. Впиши в кости.

Лира старалась. Она повторяла, кланялась, учила, зубрила, и к вечеру шестого дня Селина, казалось, была почти довольна. Почти — потому что полностью довольна принцесса не бывала никогда.

— Танец, — сказала Селина в последний вечер. — Ты будешь танцевать с Рейно первый танец. Это обязательно. Он пригласит — ты примешь. Шаги: медленный круг, поворот, смена рук, два шага в сторону, реверанс. Ты умеешь?

— Нет, — честно сказала Лира.

Селина вздохнула так, будто весь воздух во дворце был её

собственностью, и Лира только что незаконно им воспользовалась.

— Иди сюда, — сказала она и, к изумлению Лире, показала танец сама. Без музыки, без партнёра, просто по залу, с грацией, которая делала её похожей на тех лебедей из баллад — гордых, белых и холодных.

Лира повторяла до тех пор, пока ноги не заныли, а пот не выступил на лбу. Но к полуночи она знала танец — не идеально, но достаточно, чтобы не упасть.

День бала наступил серым, холодным утром. Лира проснулась до рассвета — не от будильника, а от тревоги, которая сидела в груди, как камень. Она лежала в своей каюте в служебном крыле и смотрела в потолок, и думала о том, что сегодня она перестанет быть собой. На несколько часов — а может, и навсегда — она станет кем-то другим. Принцессой. Девушкой с золотыми волосами и фиалковыми глазами, которая родилась в шелке и не знает, что такое щёлок и стёртые руки.

Только волосы у неё были не золотые, а светлые, льняные. И глаза — не синие, как у Селины, а фиалковые, тёмно-пурпурные, с той странной глубиной, которую некоторые принимали за аристократическую породу. Может быть, именно поэтому Селина и выбрала её. Или, может быть, потому, что Лира была единственной служанкой, которая умела молчать.

Утро прошло в суете. Камеристки принесли платье — настоящее, принцессино, из шелковистого газа цвета слоновой

кости, с вышивкой серебряными нитями по подолу и рукавам. Корсет — жёсткий, с косточками из китового уса, который стянул Лиру так, что дышать можно было только мелко и часто. Туфли — атласные, на невысокой подошве, с серебряными пряжками. И наконец — украшения: жемчужное ожерелье, серьги с сапфирами, и тонкая диадема, которая держалась на волосах так непрочно, словно## могла соскользнуть.

Лира посмотрела на себя в зеркало — большое, в золотой раме, которое Селина велела принести в каморку — и не узнала себя. Из зеркала на неё смотрела девушка, которую она никогда не видела: бледная, стройная, с распущенными светлыми волосами, падающими на плечи мягкими волнами, и глазами — фиалковыми, огромными, как у героинь старых картин. Платье ложилось складками, которые переливались при каждом движении. Диадема блестела. Жемчуг охлаждал шею.

— Ты... — начала одна из камеристок и осеклась.

— Что? — спросила Лира.

— Ничего, — сказала камеристка и отвела взгляд.

Но Лира видела: камеристка была поражена. Не красотой — а превращением. Из служанки — в принцессу. Из тени — в свет.

Селина пришла через час. Она посмотрела на Лиру, и на мгновение — только на мгновение — в её лице мелькнуло что-то, похожее на зависть. Потом оно исчезло, и принцесса

снова стала собой — холодной, собранной, безупречной.

— Хорошо, — сказала она. — Почти. Волосы — оставь. Глаза — опусти. Принцессы не смотрят людям в глаза, они смотрят сквозь. Иди.

Ли́ра пошла.

Бальный зал дворца Велант был огромен — самый большой зал во всём королевстве, как любил говорить король Гилберт. Потолок — высокий, сводчатый, расписанный сценами из мифов: боги, героини, крылатые кони, всё в золоте и лазури. Люстры — три, хрустальные, с сотнями свечей, которые бросали мягкий, тёплый свет, от которого лица казались моложе, а ткани — богаче. Стены — обиты шёлком цвета вина, с гобеленами, изображающими охоты и сады. Пол — мраморный, отполированный до зеркального блеска.

Гостей было много — может, двести, может, больше. Лорды и дамы, рыцари и чиновники, послы и купцы. Все в шелках, бархате, парче. Все улыбались, кланялись, разговаривали, пили вино из бокалов, которые слуги носили на подносах. Звучала музыка — струнный ансамбль на галерее, скрытой за колоннами, играл мелодию, которая была одновременно печальной и светлой, как осенний вечер.

Ли́ра вошла в зал, и мир качнулся. Шум, свет, запахи — духи, воск, вино, цветы — обрушились на неё, как волна. Она почувствовала, как ноги стали ватными, а сердце забилось где-то в горле. «Ты — принцесса, — сказала она себе. — Впиши в кости.»

Она сделала шаг. Ещё один. Подол платья скользил по мрамору, и Лира смотрела прямо перед собой, как учила Селина — не на людей, а сквозь, мимо, в точку на стене, где гобелен изображал единорога у ручья.

Гости расступались. Она слышала шёпот — «принцесса Селина», «какая красавица», «неужели за герцога» — и каждый шёпот был как прикосновение, лёгкое и горячее. Она не отвечала. Она шла.

У дальней стены, на возвышении, сидел король Гилберт — грузный, седовласый, с окладистой бородой и добрыми, но хитрыми глазами. Рядом — королева Аделаида, худая, бледная, с той отрешённой грацией, которая бывает у женщин, проживших слишком много лет при дворе. По обе стороны — лорды, советники, члены семьи.

А перед возвышением, в центре зала, стоял герцог Рейно д'Арконт.

Лира увидела его и остановилась — на мгновение, на полвдоха. Он был ещё выше, чем ей показалось из окна. Широкоплечий, с прямою спиной и руками, которые, вопреки словам Селины, были не конюха, а воина — жилистые, загорелые, с кольцом на мизинце. Лицо его было обветрено и сурово, с глубокими морщинами у рта и глаз, и тёмными волосами, в которых серебрились виски. Он не улыбался. Он ждал.

Лира подошла, сделала реверанс — глубокий, плавный, как учили, — и подняла голову. Их взгляды встретились.

Глаза герцога были тёмные, карие, с янтарной искрой, и смотрели они не жадно, не властно, а оценивающе — как смотрят на лошадь, которую собираются купить. Лира удержала взгляд ровно столько, сколько положено, и опустила ресницы.

— Принцесса Селина, — сказал герцог. Голос у него был низкий, хриловатый, с южным акцентом, от которого гласные становились мягче, а согласные — твёрже. — Рад видеть вас.

— Герцог д'Арконт, — ответила Лира, и голос её не дрогнул, хотя внутри всё кричало. — Добро пожаловать в Эльдон.

Он протянул руку — не ладонью вверх, как для поцелуя, а ладонью вниз, как для танца. Музыка стихла на миг и начала новую мелодию — медленную, торжественную, с длинными, тягучими нотами, которые тянулись, как нить из веретена.

Лира положила ладонь на его руку. Его пальцы были тёплые, сухие, сильные. Он повёл её в танец, и Лира пошла — круг, поворот, смена рук, два шага в сторону. Она помнила. Ноги помнили. Тело помнило то, что голова забывала от страха.

Они танцевали молча. Герцог не говорил, и Лира была благодарна за это. Она чувствовала его взгляд — не на лице, а где-то в стороне, как будто он смотрел на неё, но не прямо, а боковым зрением, проверяя, оценивая.

— Вы танцуете хорошо, — сказал он наконец, и в голосе

его не было ни похвалы, ни упрёка — только констатация.

— Спасибо, — ответила Лира и чуть опустила голову, как делала Селина, когда хотела скрыть лицо.

Танец закончился. Герцог поклонился, Лира сделала реверанс. Зал зааплодировал — вежливо, сдержанно, как аплодируют на официальных церемониях. Лира почувствовала, как спина покрывается холодным потом, и поняла, что хочет на воздух. Ей нужно на воздух.

— Прошу прощения, — сказала она, и голос её был тих, но ровен. — Мне нужно... я на минуту.

Герцог кивнул — без вопросов, без удивления. Может быть, он принял это за каприз принцессы. Может быть, ему было всё равно.

Лира повернулась и пошла к террасе.

Терраса была пуста. Двери — стеклянные, с серебряными ручками — вели из бального зала на каменную площадку, обнесённую балюстрадой, с видом на дворцовый сад. Было темно — облака закрывали луну, и только факелы по бокам террасы бросали дрожащий оранжевый свет на камень. Воздух был холодный, влажный, пахнувший мокрой землёй и чем-то ещё — хвоей, может быть, или туманом.

Лира подошла к балюстраде, положила руки на холодный камень и выдохнула. Долго, медленно, до дна. Потом вдохнула — глубоко, жадно, как тонущий, которого вытащили на поверхность.

«Я сделала это, — подумала она. — Я станцевала с герцо-

гом. Он не понял. Я — принцесса. На один вечер.»

Она стояла так, может быть, минуту. Может, две. Смотрела в темноту сада, где деревья чернели, как нарисованные тушью. Слушала далёкий шум бала, приглушённый стёклами, — как будто мир был за стеной воды.

А потом она почувствовала, что не одна.

Не звук — она не услышала ни шага, ни дыхания. Ощущение. Чужое присутствие, как холод, который подкрадывается со спины. Лира обернулась.

На террасе стоял мужчина. Высокий — выше герцога, выше любого мужчины, которого она видела. Тёмный силуэт на фоне тёмного неба. Факелы бросали на него неровный свет, и она увидела: широкие плечи, длинный тёмный плащ, и волосы — пепельные, почти серые, отливающие серебром в свете пламени. Лицо — наполовину в тени, наполовину освещённое: острый, жёсткий профиль, высокие скулы, тонкие губы, и глаза...

Глаза были фиалковые. Тёмные, пурпурные, глубокие — как её собственные.

Лира хотела закричать, но не успела. Рука — сильная, в кожаной перчатке — закрыла ей рот. Другая рука обхватила её за талию, прижав к телу, твёрдому, как камень. Она попыталась вырваться, но хватка была железной. Она укусила перчатку — вкус кожи и металла. Мужчина не ослабил хватку.

— Тише, — сказал он, и голос был тихий, ровный, без

угрозы, но и без пощады. — Тише, принцесса. Никто не причинит вам вреда.

Ли́ра не поверила. Она извивалась, била кулаками, царапала — но мужчина держал её, как держат котёнка: крепко, чтобы не выскользнул, и осторожно, чтобы не сломать. Из террасы, через боковую дверь, вышли ещё двое — в чёрном, с капюшонами. Один из них достал из-под плаща что-то — ткань, смоченную чем-то сладковато-горьким — и прижал к лицу Лиры.

Она задержала дыхание. Потом вдохнула — потому что не могла не вдохнуть. Мир поплыл, расплылся, как отражение в воде, в которую бросили камень. Последнее, что она увидела, — фиалковые глаза. Они смотрели на неё спокойно, внимательно, без жалости. Без ничего.

Потом — тьма.

Она очнулась от холода. Не от боли, не от света — от холода, который был везде: в воздухе, в камне под щекой, в собственном теле, будто её вынули из кожи и оставили остывать.

Ли́ра лежала на боку, на жёсткой лавке, покрытой грубым сукном. Над ней — потолок, каменный, тёмный, с трещинами, в которых чернела паутина. Стены — камень. Пол — камень. Окно — узкое, как щель, с решёткой, через которое шёл серый, водянистый свет.

Она села. Голова кружилась, и к горлу подкатила тошнота. Она прижала ладонь ко рту, сдержала. Осмотрелась.

Комната была маленькая — шагов пять в длину, три в ширину. Лавка, стол, стул, кувшин с водой, кружка. На столе — хлеб, сыр, яблоко. В углу — ведро с крышкой. Дверь — дубовая, железная, без ручки с этой стороны.

Тюрьма.

Лира встала. Ноги не держали — она схватилась за стену и постояла, пока мир не перестал качаться. Потом подошла к окну. Заглянула.

За окном были горы. Снежные, острые, уходящие в низкое серое небо. Между горами — ущелье, по которому бежала река, белая от пены. Внизу, под окном, — стена, за стеной — крыши, за крышами — ещё одна стена, выше, с башнями, и над всем этим — небо, тяжёлое, свинцовое, без солнца.

Север.

Лира отступила от окна. Сердце билось так, что рубашка — грубая, льняная, не её — тряслась на груди. Она посмотрела на себя: на ней была простая одежда, не платье, не корсет — рубаха и юбка, серые, одинаковые. Волосы — распущенные, светлые, спутанные. Диадема — исчезла. Жемчуг — исчез. Сапфиры — исчезли. Всё исчезло. Кроме глаз — фиалковых, тёмно-пурпурных, которые смотрели на неё из единственного в комнате предмета — металлического блюдца, лежавшего на столе вверх дном.

Она подняла блюдце. Посмотрела. Отражение было тусклым, мутным, но глаза были видны. Фиалковые. Как у того мужчины на террасе. Как у короля.

Ли́ра не знала, как она это поняла. Может быть, по горам. Может быть, по холоду. Может быть, по взгляду — спокойному, уверенному, безжалостному. Мужчина на террасе был не похитителем на службе у кого-то. Мужчина на террасе был тем, кто отдаёт приказы. Тот, кого не спрашивают.

Король.

Она села на лавку. Положила руки на колени. И впервые с тех пор, как согласилась на сделку с Селиной, подумала не о деньгах, не о балете, не о герцоге. Она подумала о том, что она — в ловушке. Что её приняли за принцессу. Что король соседнего государства похитил её — из-за политики, из-за мести, из-за чего-то, чего она не понимала. И что она не знает, как из этого выбраться.

И ещё она подумала — мельком, как мысль, которую не хочешь додумывать: что глаза у короля того же цвета, что и у неё. Фиалковые. Пурпурные. Глубокие, как колодец без дна. Совпадение. Конечно, совпадение.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.